

НАШЕСТВИЕ. ПРЕДЕЛЫ КАТАСТРОФЫ XIII ВЕКА

Восточная Европа и монгольская глобализация

Кризис Древней Руси: возможности познания

Орда и политическая культура Руси

Шлейф катастрофы. Киев в 1241 году

Преемственность городской культуры после Батыева нашествия

Ремесло в деструктивный период

Влияние Золотой Орды на одежду Руси

Ювелирные традиции. До и после Нашествия

Древнерусская архитектура посломонгольского времени

Ответственный редактор: Роман А. Рабинович

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

The Invasion. The Extent of the Thirteenth Century Catastrophe

Eastern Europe and Mongol Globalization
Crisis in the Early Rus': learning opportunities
The Horde and the Political Culture in Rus'
Catastrophe: the Aftermath. Kiev in 1241
Continuity of the Urban Culture after Batu's Invasion
Crafts in Destructive Times
Golden Horde's Influences on Clothing in Rus'
Jewelry Traditions. Before and after the Invasion
Early Russian Architecture after the Mongols

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovich

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.

2016

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

Invazia. Limitele catastrofei sec. XIII

Europa de Răsărit și globalizarea mongolă
Criza Rusiei Vechi: posibilitățile de cunoaștere
Hoarda și cultura politică a Rusiei
Coadă catastrofei. Kievul în anul 1241
Continuitatea culturii orășenești după invazia lui Batu
Meșteșugul în perioada distructivă
Influența Hoardei de Aur asupra îmbrăcăminții Rusiei
Tradițiile de giuvaieruri. Până și după Invazie
Arhitectura veche rusă din perioada postmongolă

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovich

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.

2016

СОДЕРЖАНИЕ

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ КАК ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ РУБЕЖ

- Н. Н. Крадин** (*Владивосток, Россия*). Восточная Европа и монгольская глобализация 17
- С. В. Томсинский** (*Санкт-Петербург, Россия*). Кризис Древней Руси в XIII в.: возможности познания реалий исторической действительности 27
- А. И. Филюшкин** (*Санкт-Петербург, Россия*). «От тех царей Золотой Орды начало нашей Русской земли»: повлияла ли Орда на политическую культуру средневековой Руси? 39
- А. В. Майоров** (*Санкт-Петербург, Россия*). Русские князья после нашествия Батыя: борьба за Галич и Киев 49

ГОРОДА И ВЕСИ

- Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар** (*Киев, Украина*). После катастрофы: Киев в 1241 г. 59
- А. Д. Козак** (*Киев, Украина*). Коллективное погребение возле Десятинной церкви: тафономия и палеопатология 73
- Е. Е. Черненко** (*Чернигов, Украина*). Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований 83
- Е. М. Веремейчик** (*Чернигов, Украина*). Усадьба ювелира середины XIII в. в Любече 99
- В. А. Лапшин** (*Санкт-Петербург, Россия*). Тверь в XIII—XIV вв. (К проблеме преемственности городской культуры в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия) 117
- С. Г. Бочаров** (*Ялта, Крым; Казань, Россия*). Изменение городской культуры в Крыму во второй половине XIII — первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики) 125
- Н. А. Тропин** (*Елец, Россия*). О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII в. 133

РЕМЕСЛО

- В. Н. Гурьянов, Е. А. Шинаков** (*Брянск, Россия*). Вооружение конца XII — начала XIV вв. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия) 143
- В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова** (*Москва, Россия*). Древнерусские кузнечные традиции в деструктивный период (вторая половина XIII — XIV вв.) 157

- Е. П. Королёва (Могилёв, Беларусь), А. Н. Егорьков (Санкт-Петербург, Россия).**
Состав стекла артефактов из некоторых средневековых памятников
Беларуси в контексте влияния татаро-монгольского нашествия
на традиции древнерусского стеклоделия. 163
- В. Ю. Коваль (Москва, Россия).** **Керамика Рязанской земли в XIII веке . . . 175**
- А. В. Курбатов (Санкт-Петербург, Россия).** **Кожевенное ремесло лесной зоны**
Руси в XIII—XIV вв. 189
- К. А. Лавыш (Минск, Беларусь).** **Подражания золотоордынским изделиям**
из кости в Западной Руси 215

КОСТЮМ И УКРАШЕНИЯ

- Н. В. Жилина (Москва, Россия).** **Русские и ордынцы: культурное восприятие**
и неприятие 223
- О. В. Орфинская (Москва, Россия).** **Размышления на тему влияния Золотой**
Орды на одежду Руси 251
- Н. М. Калашникова, А. И. Корниенко (Санкт-Петербург, Россия),**
С. С. Рябцева (Кишинёв, Молдова). **Створчатые браслеты. Традиция**
до и после Нашествия 269
- С. Оца, М. Джорджеску (Бухарест, Румыния).** **К вопросу об уточнении**
датировки клада из Войнешть (жудец Яссы) 301
- С. М. Новаковская-Бухман (Санкт-Петербург, Россия).** **Украшения из**
разрозненных древнерусских кладов в собрании Русского музея . . . 321

АРХИТЕКТУРА

- М. В. Малевская-Малевиц (†).** **Церковь XIV в. на детинце Новогрудка. . . 339**
- И. В. Антипов (Санкт-Петербург, Россия).** **Древнерусская архитектура**
в первое столетие после монголо-татарского нашествия 355

РЕЦЕНЗИИ И ДИСКУССИИ

- С. В. Томсинский (Санкт-Петербург, Россия).** **Позвольте кое-что уточнить. . 369**
- А. Н. Кирпичников, С. В. Белецкий (Санкт-Петербург, Россия).** **Новое**
исследование мечей викингов. 377

ИСТОРИЯ НАУКИ

- Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия).** **Чайлд и коллизия с Плетневой . . 385**
- Список сокращений. 391**
- Авторам Stratum plus 394**

CONTENTS

THE MONGOL INVASION
AS A POINT OF TRANSFORMATION

- N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **Eastern Europe and Mongol Globalization** 17
- S. V. Tomsinsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Thirteenth Century Crisis in the Early Rus': exploring the historical reality** 27
- A. I. Filyushkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **"The Beginning of Our Russian Land was from those Tsars of the Golden Horde": did the Horde have an influence upon the political culture of the Medieval Rus'?** 39
- A. V. Maiorov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Russian Princes after the Invasion of Batu: Struggle for Galich and Kiev** 49

OF CITIES AND COUNTRYSIDE

- G. Yu. Ivakin, A. V. Komar** (*Kiev, Ukraine*). **Catastrophe: the Aftermath. Kiev in 1241.** 59
- A. D. Kozak** (*Kiev, Ukraine*). **Collective Burial near Desiatynna Church: taphonomy and paleopathology** 73
- O. Ye. Chernenko** (*Chernihiv, Ukraine*). **Chernigov and the Invasion of the Mongols in the Context of Archaeological Investigations** 83
- O. M. Veremeychyk** (*Chernihiv, Ukraine*). **Jeweler's Estate of the Middle of the 13th Century in Lyubetch** 99
- V. A. Lapshin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Tver in the 13th —15th Centuries (on continuity of urban culture in North-Eastern Russia after the invasion of Batu).** 117
- S. G. Bocharov** (*Yalta, Crimea; Kazan, Russian Federation*). **Changes in Urban Culture in the Crimea in the Second Half of the 13th Century — the First Half of the 14th Century (on emergence of a local production of glazed pottery).** . . 125
- N. A. Tropin** (*Yelets, Russian Federation*). **On the Restoration of the Don Trade Route by the Mongols in the Middle of the 13th Century** 133

CRAFTS

- V. N. Guryanov, E. A. Shinakov** (*Bryansk, Russian Federation*). **Armament of the Late 12th — Early 14th Centuries from the Middle Desna Region and Cross-Cultural Contacts (in the context of the Mongol invasion)** 143
- V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova** (*Moscow, Russian Federation*). **The Ancient Russian Blacksmith's Traditions in Destructive Period (second half 13th — 14th cc.).** 157

E. P. Korolyova (<i>Mogilev, Belarus</i>), A. N. Egorkov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Composition of Glass Artifacts from Some Medieval Sites of Belarus in the Context of Influence of the Tatar-Mongol Invasion on the Tradition of Early Russian Glassmaking	163
V. Yu. Koval (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Ryazan Land Pottery in the 13th Century	175
A. V. Kurbatov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Leather-making in the Forest Zone of Rus' in the 13th—14th Centuries	189
K. A. Lavysh (<i>Minsk, Belarus</i>). Imitations of Golden Horde Bone Articles in Western Rus'	215

COSTUME AND ADORNMENT

N. V. Zhilina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Russians and the Horde Peoples: Cultural Acceptance and Rejection	223
O. V. Orfinskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reflections on the Impact of the Golden Horde on Rus' Clothing	251
N. M. Kalashnikova, A. I. Kornienko (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), S. S. Ryabtseva (<i>Kishinev, Moldova</i>). Bracelets with Hinges. The Tradition Before and After the Invasion	269
S. Oța, M. Georgescu (<i>Bucharest, Romania</i>). Some Observations about the Re-dating of the Treasure Hoard from Voinești (Jassy County)	301
S. M. Novakovskaya-Buchman (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Jewelry from Unknown Treasure Hoards in Collections of the State Russian Museum . . .	321

ARCHITECTURE

M. V. Malevskaya-Malevich (†). The 14th Century Church in the Detinets (Citadel) of Novogradok	339
I. V. Antipov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Russian Architecture of the First Century after Mongol Invasion	355

REVIEWS AND DISCUSSIONS

S. V. Tomsinsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). As a Matter of Clarification . .	369
A. N. Kirpichnikov, S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). A New Study of the Viking Swords	377

HISTORY OF SCIENCE

L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Childe and the Collision with Pletneva	385
Abbreviations	391
Submissions	394

С. В. Томсинский

Позвольте кое-что уточнить

Keywords: Early Rus', Normans, archaeology, neo-Normanism, anti-Normanism.

Cuvinte cheie: Rusia Veche, normanzi, arheologie, neonormandism, antinormandism.

Ключевые слова: Древняя Русь, норманны, археология, неонорманизм, антинорманизм.

S. V. Tomsinsky

As a Matter of Clarification

The article is S.V. Tomsinsky's reply to his opponents — L. S. Klein and O. L. Gubarev — who critically reviewed his earlier publication in *Stratum plus* no. 5 (2014). Recognizing some fair objections of the opponents, the author, however, insists that Leningrad neo-Normanism was a real phenomenon of the Soviet historical science and archaeology of the 1970s — 1990s, rather than a figment of anti-Normanists' imagination.

S. V. Tomsinsky

Permiteți-mi să precizez ceva

Articolul include răspunsul la obiecțiile oponentilor — L. Klein și O. Gubareva la publicația mea în *Stratum plus*, 2014, № 5. Recunoscând ca juste unele obiecții ale oponentilor, autorul totuși rămâne cu părerea sa: neonormandismul din Leningrad a fost un fenomen real al științei istorice și arheologice sovietice din anii 1970—1990, și nu rezultatul imaginației antinormandiștilor.

С. В. Томсинский

Позвольте кое-что уточнить

Статья содержит ответ на возражения оппонентов — Л. С. Клейна и О. Л. Губарева на мою публикацию в *Stratum plus*, 2014, №5. Признавая справедливыми некоторые возражения оппонентов, автор все же остается при своем мнении: ленинградский неонорманизм был реальным феноменом советской исторической науки и археологии 1970—1990-х гг., а не плодом воображения антинорманистов.

В *Stratum plus* №5 за 2015 г. опубликованы два полемических отзыва — Л. С. Клейна и О. Л. Губарева — на мою статью годичной давности (Томсинский 2014; Клейн 2015; Губарев 2015). Статья 2014 г. представляет собой конспективное изложение значительно более пространный текст, который, если у меня будет еще немного времени, должен стать книгой — и в этом тексте все изложено гораздо жестче и подробнее. Если же сие не состоится — эта публикация тем более важна для меня. Согласно установившейся практике, я мог бы не отвечать, поскольку и реакция была вполне ожидаемой, и *a priori* понятно, что все участники полемики, высказавшись, останутся при своем мнении. Кроме того, каждый, кто даст себе труд ознакомиться с небольшой библиографией моих работ, может убедиться, что полемический задор мне не свой-

ственен (хотя в юности школа была хорошая): в этом жанре я, кажется, и выступаю вообще впервые. Тем не менее, я решаюсь ответить глубокоуважаемым оппонентам, которым выражаю искреннюю благодарность за заданные ими вопросы — и не столько для того, чтобы спорить, сколько для того, чтобы объяснить свою позицию по той проблеме, которой была посвящена моя статья.

В своем ответе Л. С. Клейн неоднократно называет меня «критиком». Нет, я не «критик». Критиковать можно и должно то, что еще не состоялось, что находится в состоянии становления, что достаточно подвижно и пластично, чтобы конструктивно реагировать на критику. «Критиками» ленинградских неонорманистов были их первые оппоненты в 1970-е, их коллеги — питомцы Д. А. Авдусина. А то, что уже состоялось, созрело и даже перезрело — кри-

тиковать вполне бессмысленно, состоявшееся надо понимать. Я пытался понять. Понимание предполагает компонент критики, но не сводится к таковой.

Так что — ничего, как говорится, лично-го ни в моей статье, ни в этих ответах глубокоуважаемым оппонентам, нет; я просто должен был представить феномен, о котором идет речь, в другом аспекте, очень важном, как я полагаю, для правильного понимания этого феномена. В конце концов, поле не запирается на замок — и если не я, то в этом аспекте посмотрит на ленинградский неонорманизм кто-то другой и, не исключено — без всякого уже пиетета.

Из соображений экономии листажа, я стараюсь быть кратким и объединяю ответы обоим глубокоуважаемым оппонентам. Некоторые ответы адресованы обоим — и Л.С. Клейну, и О.Л. Губареву, некоторые — персонально Л.С. Клейну. Итак — сначала общее, потом — частное.

Причины. О.Л. Губарев вопрошает: *«Получается, что С.В. Томсинский готов рассматривать любые версии того, почему в науке утвердилось именно это научное направление, за исключением одной, самой простой версии — соответствия выдвигаемых учеными этого направления гипотез историческим источникам и историческим фактам»* (Губарев 2015: 357). Ну почему же любые? Однако — сколько в гуманитарном познании было претензий на «соответствие историческим источникам и фактам»? Истин в истории и археологии много (но во все не так много, как бы нам хотелось), но интерпретаций, выдаваемых за истины — гораздо больше. В случае с норманизмом — что есть истина, т.е. *исторический факт*, твердо установленный и достоверный? Уж не считают ли оппоненты «историческим фактом» — «призвание варягов»? или генеалогию первых Рюриковичей? или упоминания в скандинавских сагах «владений на Востоке» тех или иных конунгов? Или — названия днепровских порогов по Константину Багрянородному, относительно которых специалисты-филологи спорили с умным видом так часто, что уже и слышать эти названия не хочется? Лично я — нет, не считаю.

Кстати, приведенный О.Л. Губаревым пример с «советским антинорманизмом» весьма показателен: представления об отдаленном прошлом быстро изменились, как только «пала цензура». А ведь «варяжская легенда», которую, простите, жуют как «исторический факт», несколько поколений исследователей — в новых условиях не стала ин-

формативней? Да, введены в научный оборот археологические источники — но эти источники неоднозначны и фактами являются только собственно в археологическом контексте. Время изменилось — изменились интерпретации, утвердились новые парадигмы. Вот и все.

Почему «ленинградский неонорманизм»? — вопрошают оба оппонента (Клейн 2015: 345; Губарев 2015: 352). Куда девать единомышленников-москвичей? Вообще-то мне казалось, что я уже ответил на этот вопрос в тексте своей статьи. Могу, если непонятно, кое-что напомнить и добавить. Во-первых, надо было дышать воздухом Ленинграда 1960—70-х, чтобы понять, почему «ленинградский» — и это отнюдь не лирика, точнее — не только лирика. А во-вторых, общность представлений ленинградцев и москвичей вокруг норманнской проблематики, предполагаемая не только О.Л. Губаревым и Л.С. Клейном, но и Г.С. Лебедевым — далеко не бесспорна (исключения составляют филологи — Е.А. Мельникова и Т.С. Джаксон, которые по роду своих занятий стоят в стороне от полемики археологов). У остальных — разночтений много больше, чем общего, что и вполне естественно, ибо москвичи, напомним, уже в 1970-е гг. выступают последовательными оппонентами ленинградцев — и отнюдь не декоративными. Наконец, ленинградцы — еще совсем юные — уже в 1965 г. готовы «фактами закидать» ретроградов под руководством Л.С. Клейна — а в Москве никакой «дискуссии» в том году не происходило, Гнездовский семинар, по свидетельству Т.А. Пушкиной, заявил о себе в 1968 г. (Петрухин, Пушкина 2009: 301). И в 1970-е ленинградцы, напомним, были многочисленнее и лучше организованы и на кафедре археологии ЛГУ, и в ЛОИА, контролируя полностью подготовку молодых кадров археологов. Полагаю, что все это дает основания говорить именно о ленинградском феномене — москвичи шли к своим выводам своими путями, временами пересекающимися с путями ленинградцев, но все же своими. У них — своя история. Так что — москвичи остаются в Москве.

Однако самым важным вопросом для обоих глубокоуважаемых оппонентов и, соответственно, для меня — оказался вопрос об **определении**, а стало быть, о **сущности** норманизма, ибо определение должно именно представлять сущность определяемого предмета — в противном случае познание превращается в известную процедуру ощупывания слона слепыми. Те определения норма-

низма, которые приводит О.Л. Губарев, мне, разумеется, известны: норманизм представляется не более чем признанием скандинавского происхождения династии Рюриковичей или «племени русь» (Губарев 2015: 352—353). А Л.С. Клейн, напомним, приложил немало усилий для того, чтобы доказать, что норманизма вообще нет, а есть вполне обоснованная и продуктивная норманнская гипотеза и антинорманисты, которые придумали норманизм как «ярлык», навешанный на инакомыслящих (Клейн 2009б: 199). О.Л. Губарев с этим выводом вполне согласен. Соответственно, оба глубокоуважаемых оппонента представляют меня если не антинорманистом, то уж точно — «сочувствующим», так сказать, «льющим воду на мельницу» А.И. Фомина и его единомышленников (Клейн 2015: 348; Губарев 2015: 353—354).

Это очевидное недоразумение, в котором, вероятно, виноват и я сам, если чего-то недосказал в своей статье. Неужели Л.С. Клейн всерьез полагает, что ученик его учеников будет отрицать присутствие норманнов в Восточной Европе в VIII—XI вв. или, Боже упаси, включится в поиски доказательств балтославянского происхождения Рюрика и «племени русь»? Нет уж, увольте! Даже если единомышленники А.И. Фомина будут на меня ссылаться. Антинорманизм в том виде, в каком он сейчас существует — интересен только самим норманистам или, прощу прощения — адептам «норманнской гипотезы». И высокие отношения старых спарринг-партнеров меня совершенно не волнуют. Кончилось то время. Прошло — и я через него прошел, согласно древнему приговору Талмуда. Так что объясняться в любви антинорманизму и в связи с моей статьей — вряд ли стоило. Другое дело, что в арсенале антинорманистов — как и неонорманистов — далеко не все может быть отброшено, как не заслуживающее внимания — но об этом сам Л.С. Клейн говорил еще в 1960-е.

А с определениями норманизма все довольно просто. Если в самом деле речь идет *только* о «национальности» Рюрика или «скандинавстве» руси, то вся трехсотлетняя полемика по *этим* вопросам — не более, чем спор остроконечников и тупоконечников. Все, включая и глубокоуважаемых оппонентов, прекрасно понимают, что предметом полемики было совсем другое, а именно: происхождение древнерусской государственности. Конъюнктуры менялись — предмет спора оставался актуальным. Сейчас, впрочем, актуальность легко снимается новой парадигмой — сомнения-

ми в существовании этой самой государственности как таковой в X—XIII вв. (Дворниченко 2014: 287—354; 422—426). Нет государственности — о чем спорить? Выход из заколдованного круга норманизма и антинорманизма открывается просто и широко. А что, если бы все таланты, полемический пыл, поэтический задор, исследовательская дерзость — были бы обращены не на доказательство скандинавства Рюрика, а на поиски ответа на *этом* важнейший вопрос — о той самой государственности? Увы, не могло состояться! Почему?

Потому что — не только самоутверждение, **но и убеждения**. Л.С. Клейн утверждает, что убеждения исследователей «далеки от конкретных археологических проблем» (Клейн 2015: 347). Это, конечно, не ново — но... неловко. Доказывать, что в гуманитарном познании отдаленное прошлое *всегда* актуализировано настоящим — значит ломиться в открытую дверь, независимо от того, насколько убедителен исследователь в своих построениях. Посему и обвинения в «ангажированности» всегда звучат неоднозначно. Иное дело — насколько отчетливо прослеживаются убеждения в научных построениях: иногда первые изначально определяют вторые, иногда — и наоборот, через научные построения исследователь с неизбежностью конкретизирует свои убеждения, которые изначально либо не решался, либо не мог четко сформулировать. Как было в случае с ленинградским неонорманизмом — не столь уж важно, важно другое: как только «пала цензура» — настало время откровений, цитировать которые здесь не стоит во избежание ненужного разрастания текста. Кроме, пожалуй, одного примера: если верить Л.С. Клейну, антинорманист (!) Д.С. Лихачев — пустился в рассуждения о древнерусской «Скандославии», восставая против евразийства и «особого пути России», который почему-то оказывается азиатским (Клейн 2009в: 212). Однако! Вдумайтесь: антинорманист — согласен на «Скандославию», только бы не поскользнуться на «европейском пути»! Надо полагать, для потомка василеостровских купцов оказаться азиатом — личное оскорбление. Это — академик Лихачев, что уж там говорить о самом Л.С. Клейне и его первых учениках — они тоже присягнули на верность европейскому выбору России вполне осознанно. И полагаю излишним распространяться на эту тему дальше — «норманизм» они исповедовали, или утверждали «норманнскую гипотезу», или, по Д.А. Мачинскому, представляли себя «честными исследователями». Убеждения есть убеждения, их надо уважать

даже в неприятеле, ибо каждый из нас пришел к своим убеждениям по своему жизненному пути, по коему обратного хода нет. Со своей стороны, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что принадлежность к норманизму для меня не является никаким «обвинением», равно как и принадлежность к любому -изму-, в исторической науке. Для меня это вовсе не повод «навешивать ярлыки врагов народа» — по крайней мере до тех пор, пока претендент на ярлык открыто не заявляет, как изгнанник Зимин, о «презрении к этой стране и народу, ее населяющему». И я до сих пор решительно не возьму в толк, зачем уж сейчас-то опровергать очевидное? Но уж если есть какие-то опасения, то, простите, высказывания Л. С. Клейна и прочих ревнителей «европейского пути» по поводу реалий современной России — дают для опасений уж всяко больше поводов, чем норманизм!

И — вернемся в этом контексте к самому важному вопросу об определениях. Оба глубокоуважаемых оппонента единодушно утверждают, что норманизма в его «одиозном» виде (отрицание способности создать свою государственность) в современной науке не существует и вообще никогда не было, поэтому антинорманисты «ведут борьбу с призраком». Ну, насчет «никогда не было» и «нет» — антинорманисты ведь не просто утверждают, они цитируют. Это — во-первых. А во-вторых, разве упорное стремление на «европейский путь» — не есть, собственно, отрицание не только у русских, но и других народов, вплоть даже до японцев — создать свою вполне эффективную и подходящую именно для этого народа государственность не то что в IX, но даже и в XXI в.? (Клейн 2015: 347). Разве мы не наслушались этого вдоволь в благословенные 1990-е, да и в «нулевые»? Цитировать надо?

Теперь о «неонорманизме» — Л. С. Клейн попутно посетовал, что я не конкретизировал это самое «нео» (Клейн 2015: 355). Действительно, уточнение «новизны» у меня «проскочило», и действительно никаких затруднений здесь не возникает: во-первых, «старый» норманизм, о котором Л. С. Клейн писал в своем очерке — к тому времени давно завершил свой путь, а кроме того — впервые сплоченно выступили археологи с заявкой на новые источники — так что все основания для «нео» есть.

О декларациях. Правильно или неправильно изложена в моей статье декларация о намерениях ленинградского неонорманизма как итог «дискуссии 1965 г.»? Л. С. Клейн возражает так резко (Клейн 2015а: 346), что я, грешным делом, и сам засомневался в соб-

ственном тексте, раскрыл еще раз «Спор о варягах» на седьмом разделе выступления глубокоуважаемого оппонента, в котором речь идет как раз о «происхождении государства» (древнерусского). И что там обнаруживается? Сначала — рассуждения о том, что «в рамках марксистского решения всего вопроса решение частного вопроса о роли варягов может быть различным»: сколько пришло варягов, как они распределялись по слоям населения и по территории, и т.д. (Клейн 2009: 129). Конечно, отрицание «волонтаристического идеализма и расизма». А затем — важнейшая констатация: «Те материалы, которые нужны для решения названных вопросов о роли варягов в сложении Древнерусского государства, должна дать археология» (Клейн 2009а: 130). А на следующей странице: «Возможно, что многое потребует пересмотра. И, собственно, если почитать даже не самую современную книгу такого видного, скажем мягко, ненорманиста, как В. В. Мавродин (1945), то роль варягов в построении Древнерусского государства характеризуется там словами, которые иному ревнителю “ненорманного” положения покажутся норманистскими: и “ускорили”, и “оформили”, и “объединили”, и “направили внешнюю политику”... А в чем, собственно, еще может выражаться деятельность верхних классов по участию в создании государства? Много ли возможностей остается?» (Клейн 2009: 131). Полемический прием старый, испытанный — *argumentum ad auctoritatem* — и применен блестяще. А что сказано (да, сказано еще В. В. Мавродиным за двадцать лет до того) — но это дела не меняет?

Полагаю, на том «эзоповом языке советской археологии» (Клейн 1993: 81), непревзойденным мастером которого Л. С. Клейн проявил себя уже в «дискуссии 1965 г.», вектор дальнейшей деятельности был обозначен вполне четко. В подтексте, конечно, но достаточно прозрачно — и после ссылки на В. В. Мавродина погружаться в этот контекст просто никто не захотел.

И если это — не основание государственности скандинавами, тогда что это?

Нет, конечно, это — не норманизм, ни в коем случае не норманизм! не превосходство скандинавов, определяемое национальной или расовой принадлежностью, или более развитой социальной структурой! Но чем же тогда определено их несомненное превосходство — раз «оформили», «объединили», и даже «направили внешнюю политику» — коль скоро без них не обошлись?

Раз Л. С. Клейн апеллировал к В. В. Мавродину, монографию которого штудировал

и он сам, и его питомцы, то в поисках ответа на этот вопрос имеет смысл процитировать и его монографию 1945 г.: «варяг предлагал в качестве товара свой боевой “франкский” меч, а в придачу к нему свою воинскую доблесть, свой опыт мирового воина-бродяги, свою ярость берсекиера, свою преданность тому, кто больше платит». Разумеется, норманны при этом были «далеко не главным элементом» и быстро ослаблялись, женись на русских женщинах (Мавродин 1945: 209—210). Однако получается, если Л.С. Клейн верно процитировал В.В. Мавродина, по факту норманны все же превосходили — именно доблестью, предприимчивостью, быстротой реакций и даже «яростью берсеркиера», т.е. качествами — чисто человеческими, личностными, как ни крути? Ну а это личностное превосходство — в свою очередь — чем должно было определяться? Природными условиями Скандинавии? Относительным перенаселением полуострова в эпоху викингов? Социальной структурой общества? Да не все ли равно! Главное — это не норманизм! Соответственно, археология и должна конкретизировать этот образ: сколько их было, куда и откуда пришли сначала, куда — потом...

Таким образом, у меня есть все основания полагать, что, излагая суть декларации о намерениях 1965 г. — я не погрешил против истины.

Вопрос же о том, является ли «Гимн оголтелого норманизма» в этом контексте просто «студенческой эскападой» или все же, как я полагаю, поэтическим манифестом направления — предоставим судить читателям.

Вот что я должен был объяснить обоим глубокоуважаемым оппонентам по самым важным, общим вопросам. Перейдем к весьма важным, но частностям — здесь мне придется отвечать уже одному Л.С. Клейну. Не без неловкости, надо признать, хотя, разумеется, я ждал такой реакции или даже более жесткой — Лев Самуилович помнит, что я в том далеком прошлом посещал его семинар (правда, докладов все же не делал), а вот о том, кто именно учил всю нашу группу рисовать кремень — запомнил. А я — помню. И учителей своих — его учеников — помню и почитаю, именно такими, какими я их знал, другими они быть просто не могли. Но и я не могу не сказать того, что сказал.

Итак — о ходе дискуссии 1965 г. и на следствии М.И. Артамонова в ленинградском неонорманизме. Л.С. Клейн обладает передо мной бесспорным преимуществом

участника тех событий, и потому буду краток. Для меня мемуары Л.С. Клейна и статья Г.С. Лебедева — два взаимодополняющих источника. Посему я имею право на их интерпретацию сообразно своим представлениям, одному могу доверять больше, другому меньше. В конце концов, не принципиально, молчали там М.И. Артамонов и В.В. Мавродин, или нет. Важно, что Г.С. Лебедев все же сохранил память об их «кураторстве», и надолго. Конечно, абберации памяти — бывают любые, но, во всяком случае, не на меня надо обижаться Л.С. Клейну, а на покойного Глеба Сергеевича.

А вот со статьей М.И. Артамонова дело обстоит сложнее. Можно было бы, конечно, предположить, «что совпадения взглядов могут зависеть не только от того, что ученики в 1960—1965 гг. повторяли более ранние идеи своего профессора, но и (гораздо больше) от того, что профессор аккумулировал в своей статье 1972 года взгляды и результаты своих учеников, развивавшиеся с 1960 г. по начало 1970-х и дальше» (Клейн 2015: 349). Хотя — до 1972 г. результаты учеников были все же не столь значительны, чтобы исследователь такого масштаба, как М.И. Артамонов, их «аккумулировал». Да еще без ссылок на учеников — хотя это-то, как раз, можно было понять. Но — Глеб Сергеевич запомнил не только кураторство М.И. Артамонова на «дискуссии», но и, напомним, — факт прочтения им спецкурса по варяжской проблеме (Лебедев 1999: 102). Спецкурс — не спецсеминар, к нему преподаватель готовится сам, обдумывает материал, проверяет свои выводы. М.И. Артамонов, конечно, мог «подзарядиться» от питомцев Л.С. Клейна, и наверняка так оно и было, однако возьмем на себя смелость остаться при своем мнении: представленная в статье широкая экспозиция ситуации в Восточной Европе в VIII—X вв. есть плод его творчества.

Еще один сюжет, вызвавший возражения Л.С. Клейна — **это методика подсчетов** этнически определимых погребений, представленная на «дискуссии 1965 г.» и в последующих работах ленинградских неонорманистов. Вопрос действительно важен, на нем придется остановиться, ибо это, собственно, вопрос о постигаемости той самой исторической действительности, которую все мы стремимся постигнуть. Л.С. Клейн, процитировав фрагмент моей статьи с определением этой методики, первоначально игнорировавшей «неопределимые погребения», лукавой математикой, недоумевает: «Так в чем же возражения? Чем отсеивание неопределимых погребений

нарушает «историческую действительность»? По-моему, историческую действительность нарушает желание *сохранить* неопределимые погребения и приписать их той или иной стороне» (Клейн 2015: 348). Вот в этом пункте и есть главное расхождение между вашим покорным слугой и его, повторяю, чтимыми учителями и, судя по этой реплике — их наставником. Сохранить — но не приписывать никакой стороне, коль скоро они неопределенные! Ни я, ни кто другой, «нарушить историческую действительность» не может — она осталась там, за Порогом Познания, она давно перестала быть «действительностью». А вот исказить представления о ней подсчетами, за которыми не видно людей — вполне можно. Как это «отбросить неопределенные погребения» — если вот они, существуют и вызывают к нашему пониманию ситуации? Результат таких подсчетов был оглашен на «дискуссии 1965 г.»: оказывается, по результатам обработки материалов раскопок Тимеревского могильника — в IX—X вв. «в окрестностях Ярославля каждый восьмой был скандинавом, а славян было меньше, чем варягов»! (Клейн 2009а: 127). Разве это — не лукавая математика?! Во-первых, не в «окрестностях», а на конкретном поселении, да и то если все погребенные были его обитателями, в чем совсем нет уверенности. Во-вторых, а куда девать все же «неопределенных»? Вот же они! А в-третьих, даже если принять такую методику — а И. В. Дубов, определяя скандинавские погребения Тимерева, именно таковой и пользовался — выясняется, что речь идет, собственно, о двух-трех семьях скандинавского происхождения, представители которых, обоого пола и разного возраста, погребены на могильнике. Вот и все «присутствие скандинавов»! Масштабы, господа, опять масштабы! Причем эти скандинавские погребения IX в. — отнюдь не «богатые», «богатые» появятся через столетие (Дубов 1982: 50—52). И — паки повторяю: а кто же такие «неопределенные»? И насколько же — если мы их «отбросим» или будем пытаться опознать посредством хитроумных математиче-

ских операций — достоверны наши представления о той самой исторической действительности? Если это «гиперскептицизм», который, судя по двухтомнику Л. С. Клейна, вызывает у него заметное возражение — то быть посему. Но принять такие подсчеты как серьезные основания для суждения об этническом составе населения я никак не могу. И, полагаю, не только я.

Кстати, считали ведь не только скандинавов — считали и «славян», и «финнов». Считали до тех пор, пока А. Е. Леонтьев не констатировал, и как я полагаю, вполне обоснованно, что большинство погребений Тимерева — просто древнерусские (при том, что скандинавские все же присутствуют и выделяются достаточно отчетливо), и все эти «проценты» были вполне умозрительны (Леонтьев 1996: 287).

В середине XX в. такая методика могла казаться плодотворной. Но — мы-то живем уже в начале XXI века. И уж если фантазировать насчет достоверного определения происхождения субъекта, а стало быть, и наиболее вероятной его этнической принадлежности, то последнее слово будет не за археологами, а за антропологами и палеогенетиками, постоянно совершенствующими свои методики, для которых предметом изучения является сам человек, его останки. По коим уже определяют, если мне память не изменяет, где обитал в течение всей жизни данный субъект, чем питался. Разумеется, дело это не скорое и очень дорогое, и в реалиях современной России — почти утопия, но — все же «почти». Вот тогда, если сохранился хоть один зуб в ингумации, хоть одна кальцинированная кость — заговорят и «определимые», и «неопределимые», и сюрпризов будет много. А пока — извините, остаюсь при своем мнении.

Вот, собственно, и всё, что я хотел ответить глубокоуважаемым оппонентам для уточнения своей позиции. Ответил не на всё — но, кажется, на самое основное.

Если доведется — отвечу на всё в предполагаемой книге.

Литература

- Губарев О. Л. 2015. «Неонорманизм» или антинорманизм? *Stratum plus* (5), 357—370.
- Дворниченко А. Ю. 2014. *Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Дубов И. В. 1982. *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья*. Ленинград: ЛГУ.
- Клейн Л. С. 2015. Ленинградский неонорманизм — в самом деле? *Stratum plus* (5), 345—349.
- Клейн Л. С. 1993. *Феномен советской археологии*. Санкт-Петербург: Фарн.
- Клейн Л. С. 2009а. Выступление на дискуссии о современном состоянии «норманнского вопроса» 24 дек. 1965 г. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 93—174.
- Клейн Л. С. 2009б. Конец дискуссии? В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 199—200.

№5. 2016

- Клейн Л. С. 2009в. Современный антинорманизм — три итоговых тома. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 206—220.
- Лебедев Г. С. 1999. Varangica Проблемного семинара Л. С. Клейна. *Stratum plus* (5), 102—111.
- Леонтьев А. Е. 1996. *Археология мери*. Москва: Геоэко.
- Мавродин В. В. 1945. *Образование Древнерусского государства*. Ленинград: ЛГУ.
- Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. 2009. Смоленский археологический семинар кафедры археологии МГУ и норманнская проблема. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах*. Санкт-Петербург: Евразия, 301—309.
- Томсинский С. В. 2014. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги. *Stratum plus* (5), 357—370.

References

- Gubarev, O. L. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 357—370 (in Russian).
- Dvornichenko, A. Yu. 2014. *Zerkala i khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva (Mirrors and Chimeras: On the Formation of the Ancient Russian State)*. Saint Petersburg: "Klio" Publ.; "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Dubov, I. V. 1982. *Severo-Vostochnaia Rus' v epokhu rannego srednevekov'ia (istoriko-arkheologicheskie ocherki) (North-Eastern Rus' in Early Middle Ages (Historical-Archaeological Sketches))*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Klejn, L. S. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 345—349 (in Russian).
- Klejn, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoi arkheologii (The Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. In Klejn, L. S. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ., 93—174 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. In Klejn, L. S. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ., 199—200 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. In Klejn, L. S. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ., 206—220 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 102—111 (in Russian).
- Leont'ev, A. E. 1996. *Arkheologiia meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi (Archaeology of the Merya People. Towards Pre-History of North-Eastern Rus')*. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).
- Mavrodin, V. V. 1945. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva (Formation of the Ancient Russian State)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Petrukhin, V. Ya., Pushkina, T. A. 2009. In Klejn, L. S. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ., 301—309 (in Russian).
- Tomsinsky, S. V. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 357—370 (in Russian).

Статья поступила в номер 6 февраля 2016 г.

Serghei Tomsinsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum¹.

Serghei Tomsinsky (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Ermitajul de Stat.

Томсинский Сергей Владимирович (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 32/34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation